

Някрюшас Эймуонтас (март) 11.03.04

НА ПОРОГЕ КАТАРСИСА

Театр Эймунтаса Някрошюса властно участвует в современной истории русского театра. По словам критика Ольги Егошиной, "Эймунтас Някрошюс — режиссер, <...> расширивший наши представления о возможностях сценического языка, открывший новые принципы и формы построения спектаклей, новую дистанцию в общении с классическими текстами. Пожалуй, впервые после Мейерхольда в нашем

театре появился режиссер с такой силой фантазии, гипнотической мощью воздействия на зрительный зал, с умением сложнейшие мысли, чувства, настроения передавать в предметно-наглядном виде, с еретической свободой в обращении с драматургическими источниками и театральными канонами".

Появление каждого его спектакля в Москве сопровождается неизменными ан-

«Макбет»

«Гамлет»

шлагами, толпами студентов, бесцеремонно оккупирующих все доступное пространство в зрительном зале, нескончаемыми спорами и сравнениями. Юбилейная программа "Золотой Маски" осуществила то, о чем давно мечталось, — привезла всю неподъемную громаду шекспировской трилогии Эймунтаса Някрошюса, пробудив новую волну ажиотажа и дебатов. В театр имени Моссовета, где состоялись гастрольные показы, пришли и те, кто по причине юного возраста не мог увидеть "Гамлета", сыгранного в Москве семь лет

назад или "Макбета", появившегося тремя годами позже, и те, кто хотел освежить и проверить давние впечатления, снова окунуться в причудливый, грозный и покоряющий мир трагедий великого литовского режиссера.

...Маленькое зеркальце, которым сигналил в ночном дозоре Отелло Владаса Багдонаса, и то, глядясь в которое, причисляется вертушка Эмилия, напоминают об огромных, потемневших зеркалах в тяжелых рамах в спектакле "Макбет", и отражавших ок-

ровавленного, но игривого покойника короля Дункана; а эти, в свою очередь, вызывают в памяти стеклянную ширму-витрину из "Пиромани, Пиромани...", забеленную вначале и делающую прозрачной к финалу, на которой остается кровавый след от ножа Торговца рыбой, персонажа картины Нико. Гротескные, почти отталкивающие балерины в кирзовых сапогах из "Носа" и жестокая красавица-танцовщица Маргарита в том же "Пиромани, Пиромани..." оборачиваются совершенной в линиях и движениях Дездемоной Эгле Шпокайте. Пустая тарелка последнего ужина, крутившаяся волчком в страшной сцене прощания Тузенбаха с горькой вдовой при живом еще женихе — Ириной, вдребезги разбивается в "Отелло", и Дездемона со своим убийцей бешено танцуют по белым ос-

колкам, как отчаянно и очастливо танцевал в "Квадрате" Он для Нее на белых кусках сахара.

В театре Някрошюса нет ни оптимизма, ни пессимизма, как нет их в истории, природе или ритуале. Каждый герой — страдалец и жертва, а нравственные мучения его персонажей всегда облечены болью физической. Но если было понятно, во имя чего герой "Квадрата" процарапывал гвоздем на ладони адрес еще незнакомой, но уже любимой женщины, и почему Нико Пиромани в творческом порыве держал руку над пламенем свечи, — то для чего отцы мучают своих детей, Гамлета (Андрюс Мамонтовас) и Офелию (Виктория Куодите), а ведьмы пытаются Макбета-Костаса Сморигонаса, — знать не дано. Вечное, неизбывное страдание человека в мире приводит к

воссоединению с этим миром, к растворению в нем.

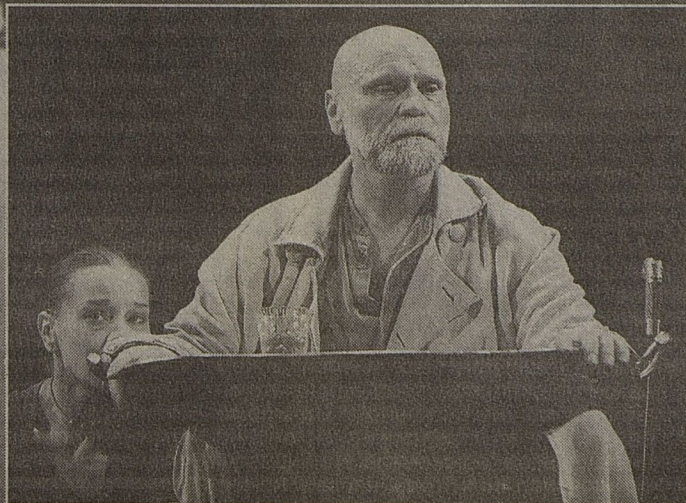
Някрошюс создает эпический театр, но мир изменился с тех пор, когда властвовал эпос, и Гамлет-отец, как Медея — полубогиня, шагнувшая за пределы морали и убившая собственных детей ради доказательства своей правоты, — обрекает сына на потерю человечности и на смерть. Но этому отцу не дано улететь в небо на колеснице, запряженной драконами, орошая удаляющуюся землю кровью детей, ему — вершителю судеб, каким он предстал в начале, — ему рыдать над телом ребенка, созная всю беспредельность своей вины...

В современном театре почти утрачено понятие катарсиса. Литовский режиссер Эймунтас Някрошюс в своей шекспировской трилогии вплотную подошел к его достижению. Спектакли Някрошюса "Гамлет", "Макбет", "Отелло" пытаются привести зрителя к катарсису, переносящему нас за грань личного отношения к персонажам на сцене, за грань сострадания.

Мария ЛЬВОВА
Фото Владимира
ЛУПОВСКОГО

«Отелло»

Журан и сцена —